

Номер «Сократа», посвященный войне в философии, войне как философской теме, выходит в год 65-летия Великой Победы. Выбор этой темы — это прежде всего наша дань признательности и благодарности отцам, дедам и прадедам, и тем, которые прошли эту войну, и тем, которые навсегда остались молодыми. *Сегодня нашу историческую память мы должны расчищать от завалов — едва одни шахты и штольни раскопаны, как уже образуются другие, где стремятся похоронить и сжечь всё то, чему поклонялись совсем недавно.* И вот уже — не Великая Отечественная, а нацистско-советская война, где и противника не видно, и правда — пополам!

«Мчи меня, Память, крылом нестарееющим», — писал Владимир Соловьев. «Нестареющее крыло» памяти — то, что не позволяет истории развалиться, разбить её на эпохи угодные и негодные, а послешить разорванную ткань истории

белыми нитками. Здоровая память континуальна, последовательна, великодушна. Она ничего не забывает, но она умеет прощать то, что подлежит прощению. Она возрождает и обновляет, если честно ставит перед собой задачу «вспомнить все», без вранья.

Война относится к тем событиям, которые оставляют особый след в судьбе народа, формируют стержень его исторической памяти. Война наносит народному телу наибольшие раны, приносит неисчислимы страдания, но война же дает суровую проверку народному духу, сжимает его в кулак. Священник-философ Сергей Булгаков, ставший свидетелем двух мировых войн, писал о войне как о духовной мобилизации, где «ангельские воинства приходят на помощь миру человеческого». «Война есть бедствие, но еще не абсолютное зло, — во всяком случае, не всегда и не во всем зло, она существует в смеше-

нии с добром, как и все человеческое». Иногда только война остается единственным средством, позволяющим победить в мире «царящее зло». Песни, фольклор часто повествуют о войне и ее героях — о героях, а не об ужасах и страданиях, которые несет война. Народ помнит свои Победы, гордится ими. Хотя в славянском языке победа означает также и поражение. Этим обусловлена и сложная смысловая нагрузка слова «Победа». Во всякой Победе есть тон трагедии, гибели, жертвы. По-беда — то, что идет вслед за бедой, покрывает ее, избавляет от нее, является катарсисом истории. Победа оказывается скрепой народного духа, тем, что позволяет выжить в самые трудные минуты истории, тем, чего надо держаться. Отнять у народа его Победу означает убить этот народ, унизив его. Историческая память — это не только память о победах, это живоносный ключ, дающий силу для новых побед, ток крови и лимфы, в котором стучит сердце, живет душа. В православном храме, за каждой божественной литургией, верующий слышит возглас священника: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще!» Ангелы ликуют над победой в невидимом нам духовном мире, но и мы сорадуемся вместе с ними. Победа напоминает нам о воскресении, об общем деле, к которому причастны и мертвые, и живые.

С самого начала Великая Отечественная была для нашего народа Священной войной. Так была озаглавлена прозвучавшая в первую неделю войны 27 июня на Белорусском вокзале песня композитора Александра Васильевича Александрова, кстати, ученика придворной певческой капеллы и регента храма Христа Спасителя. Слова ее написал поэт Василий Лебедев-Кумач. Песня стала своеобразным военным гимном, написанным прежде государственного гимна нашей страны. Война с первых же дней стала для народа не только справедливой и освободительной, но священной. Священное выделяется в особую сферу — в которой иррациональное преобладает над рациональным, диалектически связаны миф и жерт-

ва, сила и смирение, дух и кровь. Об этом немало писали философы, социологи и религиоведы XX века — Павел Флоренский, Эмиль Дюркгейм, Рудольф Отто, Мирча Элиаде... Священное табуируется: это terra sacra, земля святая, к которой следует приближаться с трепетом. Эта священная земля обильно полита кровью, без жертвы — кровавой или бескровной — священного быть не может. Позитивистские времена демифологизируют, разрушают священное. Однако оно непременно возвращается в том или ином виде. Отсюда понятна сакрализация войны в культуре, и, в частности, Великой Отечественной войны, — которая начинается с первых ее дней, с обращения митрополита Сергия, с песни А. Александрова, со стихов К. Симонова...

...Как будто за каждую русской околицей,
Кольцом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды
молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Античность донесла до нас речь Перикла над убитыми в войне со Спартой. Он не плакал над жертвами, не сокрушался о бессмысленных потерях. Он говорил о тех ценностях, которые защищали павшие, о преимуществе Афин перед другими полисами-государствами. «Вот за какое отечество положили жизнь эти воины, — завершал свою речь Правитель. — А мы, оставшиеся, любуясь силой нашего государства, не забудем же о том, что творцами ее были люди отважные, знавшие долг и чтившие честь. Знаменитым людям могила — вся земля, и о них гласят не только могильные надписи на родине, но и неписаная память в каждом человеке: память не столько о деле их, сколько о духе их». Словно вторя Периклу, фронтовой поэт Сергей Орлов писал в 1944 году о Солдате войны: «Его зарыли в шар земной, как будто в мавзолей...»

Возвращаясь к теме войны, мы спрашиваем себя о ценностях, которые защищали наши деды. Разговор о философии войны дает возможность задаться вопросом о том, какие ценности актуальны для российского общества сегодня. Едино ли российское общество и общая ли у нас историчес-

кая память? Присущи ли нам сегодня те лучшие качества, которые помогли нашему народу в критические моменты истории собраться и победить врага? Мужество (andria) — одна из главных античных добродетелей — не помешает нам и в мирное время. Недаром Сократ, рассуждая о ней в диалоге «Лахет», спрашивает своих собеседников «о людях, мужественных не только в бою гоплитов, но и в конном сражении и в любом другом виде боя, и, кроме того, не только в бою, но и среди морских опасностей, в болезнях, в бедности и в государственных делах, а вдобавок и о тех, кто мужествен не только перед лицом бед и безстрахов, но умеет искусно бороться со страстями и наслаждениями, оставаясь ли в строю или отступая» (191d).

Этот номер, хоть во многом и говорит о прошлом, но вполне отвечает задачам, которые ставит перед собой журнал современной философии. В нем читатель найдет беседы с ветеранами и детьми войны, размышления о том, что представляет собой политика памяти в современной России и как реализуется ис-

торическая память в Японии и Польше, как «собирают» для себя войну люди среднего поколения и как они рассказывают о войне школьникам. Как интеллигент ощущает себя в окопах и как стремится «умиротворить» войну европейская культура? Как проявляет себя на войне человеческое тело и человеческий дух, что питает его, какую роль в войне играют идеологии? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить, стремясь избежать превращения журнала в альманах по философии или сборник различных мнений и афоризмов. К сожалению, за то время, пока мы собирали этот номер, в результате терактов в московском метро и в Кизляре погибли люди, потом произошла трагедия с польским авиалайнером под Смоленском. Скорбя о жертвах, мы тем не менее считаем своим долгом и нравственной обязанностью размышлять о том, что может стать причиной подобных катастроф в нашем пока еще не спасенном от войны в разных ее смыслах и измерениях мире.

á

Перикл, римская копия с греческого оригинала Кресила